

А.А.Тесля

СОЗДАВАЯ И ЗАЩИЩАЯ НОВОЕ ОБЩЕСТВО

Хоффманн Д.Л. Вращивание масс: Современное государство и советский социализм. 1914–1939 / Пер. с англ. А.Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.

Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana, Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград). Для связи с автором: mestr81@gmail.com.

Аннотация. Публикуемый материал представляет собой рецензию на перевод книги американского историка Дэвида Хоффманна «Вращивание масс: Современное государство и советский социализм», вышедшей на языке оригинала в 2011 г. По оценке автора рецензии, эта книга ценна и интересна прежде всего анализом в сравнительной перспективе целого ряда практик и институций, традиционно мыслящихся как специфически или в первую очередь советские. Однако речь отнюдь не идет о «нормализации» советского опыта. Ключевой тезис работы состоит прямо в противоположном — советская система, сложившаяся к 1930-м годам, была уникальной, но ее исключительность определяется не тем, что она породила какие-то невиданные, принципиально новые практики. Специфика Советского Союза заключается в том, что он с невиданной интенсивностью задействовал и развил те методы государственного насилия, которые формировались в мире до и в ходе Первой мировой войны. Обращаясь к примеру Советского Союза, Хоффманн наглядно демонстрирует, что может произойти в ситуации, когда институты и практики «социального государства» не связаны правами граждан. Экстремальность советского случая обусловлена именно тем, что первые могли полностью развернуться, не встречая значимого противодействия со стороны вторых.

Ключевые слова: советский социализм, Модерн, социальное государство, государственное насилие, права граждан, Дэвид Хоффманн

Дискуссии о природе «советского» вновь вышли в последние годы на передний план, возвращаясь к вопросам о том, возможно ли мыслить его как некое единство, или необходимо принципиально

различать практики 1920-х, 1930-х и, скажем, 1950-х годов, рассматривая их не как «развертывание» некоего имманентно присущего советскому социализму принципа, а как исторически обусловленный и лишенный гомогенности феномен, сохраняющий континуальность, но не объяснимый в рамках имманентной логики. Споры, начатые в 1960—1970-е годы в связи с развитием так называемой ревизионистской историографии сталинизма (наиболее известным представителем которой является Шейла Фицпатрик), теперь накладываются на новые исследовательские подходы к изучению обществ позднего Модерна.

Вопрос заключается не в том, является ли советский социализм 1920—1930-х годов уникальным, — при такой постановке ответ очевиден и в то же время не особенно интересен, поскольку каждый конкретный исторический феномен неповторим. Центр вопроса в ином: является ли советский социализм особым случаем общих для позднего Модерна идей и практик, или же он — исключение из них, была ли советская система частью Большого модерна? Ведь в случае положительного ответа на последний вопрос мы оказываемся перед необходимостью переосмыслить Модерн, уйти от привычной (и идеологически заданной) телеологии, нормативным образом увязывающей его со становлением либеральной демократии и трактующей все иные варианты как некие сбои, отклонения, исторические неудачи на этом пути.

Разумеется, такого рода ревизия отнюдь не нова в своих концептуальных истоках — достаточно вспомнить «Диалектику Просвещения» Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера 1947 г. или обратиться к консервативной либо, напротив, радикальной критике Модерна в рамках так называемых «больших идеологий» XIX в. Но подобная преемственность сама по себе мало что дает — новизна современных исследований не столько в общих подходах, сколько в конкретном материале, позволяющем перейти от генерализированных суждений к рассмотрению конкретных практик и институций, демонстрирующих как сходство исторически синхронных обществ позднего Модерна, так и различия между ними¹.

Книга Дэвида Хоффманна, вышедшая на языке оригинала в 2011 г. и получившая значительную известность в профессиональных кругах, ценна и интересна именно анализом в сравнительной перспективе целого ряда практик и институций, традиционно мыслящихся как специфически или в первую очередь советские. Однако речь отнюдь не идет о «нормализации» советского опыта. Ключевой тезис работы, как нам представляется, состоит прямо в противоположном — советская система, сложившаяся к 1930-м годам, была уникальной, но ее исключительность определяется не тем, что она породила какие-то принципиально новые практики. Специфика советского выростала из двух обстоятельств: во-первых, из

¹ Так, в 2017—2018 гг. вышла серия работ Модеста Колерова, посвященных интеллектуальной истории формирования советской системы (Колеров 2017а, 2017б, 2018).

уникальности ситуации; во-вторых, из невиданного масштаба и сочетания практик.

Уникальность ситуации заключалась в том, что новая система создавалась неограниченной властью, выросшей из условий Первой мировой и Гражданской войн, то есть фактически семилетнего пребывания России в состоянии войны. Неограниченная власть означала, что не существовало никаких автономных по отношению к ней институций и организаций, никаких правовых границ ее действий, а были лишь технические нормы, которые могли пересматриваться в одностороннем порядке или на время либо приостанавливаться применительно к конкретной местности или какому-то кругу лиц.

Институты и практики, характерные для советской системы 1920—1930-х годов, являлись частью широкого современного контекста, свойственного Западной и Центральной Европе, Османской империи, Соединенным Штатам Америки и латиноамериканским государствам. В фокусе внимания Хоффмана не только воспроизводство и заимствование конкретных институтов и практик, но и причины, по которым те или иные варианты были не восприняты или по прошествии более или менее длительного периода неопределенности отвергнуты. Исследование сосредоточено на следующих пяти областях:

- 1) социальное обеспечение;
- 2) здравоохранение;
- 3) репродуктивная политика;
- 4) политический надзор и пропаганда;
- 5) государственное насилие.

Роль Первой мировой войны в изложении Хоффмана предстает решающей — обозначающей водораздел между прежними и новыми реалиями. В условиях войны, которая из столкновения армий стремительно перерастала в схватку народов, то есть была первым опытом тотальной войны и милитаризации тыла, прежние идеи и начинания получают невиданный масштаб, а практики (например, концентрационных лагерей), ранее известные по колониальным экспедициям и операциям, оказываются перенесены в метрополию. Отметим, что тем самым исследователь, по сути, возвращается к точке зрения, высказанной уже современниками рассматриваемых событий. Так, Александр Богданов (Малиновский) писал о «государственном коммунизме», обращаясь в первую очередь к опыту Германии 1914—1918 гг. как наиболее последовательному и характерному в данном отношении, одновременно отсылая к понятию «военный коммунизм» (в его версии — «армейский»), лишь по аналогии с Германией применяемому к Советской России².

² Богданов 1995.

Общественная и, что в ряде аспектов еще более важно, профессиональная мысль сформировала набор подходов и способов действия, которые в условиях войны и первых послевоенных лет получили широкое распространение. В частности, Хоффманн отмечает, что

«даже летом 1917 г. у большевиков были только самые общие предложения о расширении здравоохранения для рабочих, не слишком отличавшиеся от предложений, выдвинутых другими партиями. Именно беспартийные врачи, активно участвовавшие в земской медицине, обеспечили идейную основу для создания советского здравоохранения и во многом возглавили его» (с. 102).

Уже с конца XIX в. (отчасти) и особенно в межвоенный период (вполне отчетливо) социальное обеспечение и здравоохранение, как показано автором, связываются скорее не с реализацией прав индивидов, а с достижением «здорового общества»: «слабое здоровье или болезнь индивидуумов, не ставшие угрозой для политического тела, стали таковой для тела социального» (с. 105). Здоровье индивида — теперь забота не только его самого и его близких; массовые инфекции и эпидемии должны предотвращаться мерами гигиены. Осмотр помещений на предмет соответствия их медицинским стандартам получает особое распространение в СССР, где на пути гигиенического надзора не стоит ни право частной жизни, ни право собственности. Здоровье индивида становится объектом государственного внимания и независимо от эпидемий — болезнь наносит урон обществу, влечет за собой экономические убытки (и в форме потери трудового времени, и в виде расходов на лечение). Профилактика, социальная медицина и т.д. широко развиваются — в планах гораздо активнее, чем на практике, где для этого не хватает ресурсов, однако их оказывается вполне достаточно для повсеместного внедрения физкультуры, призванной создать идеальное тело рабочего (с. 154—155)³.

³ *Примечательно, что милитаризация физкультуры происходит в Советском Союзе относительно поздно, тогда как аналогичные движения в Германии или Турции с самого начала были нацелены на формирование «солдата», а не «рабочего» (с. 149).*

Еще любопытнее демонстрируемая Хоффманном связь «советского викторианства» с установкой на защиту и укрепление общества. Сексуальное наслаждение без деторождения мыслится пустой тратой сил, которые следовало бы направить на пользу общества. Тем самым «пуританство» отчасти оказывается вписано в рациональную логику перераспределения энергии, и личные пристрастия и склонности индивида осуждаются морально не сами по себе, а как поведение, наносящие ущерб общему и притом калькулируемому благу.

Проблема снижения рождаемости и замедления роста населения ввиду общей перестройки демографического поведения в рамках индустриального общества порождала в европейских странах схожие опасения (иногда перераставшие в панические реакции) и схожие решения. Особенно острой эта проблема представлялась между двумя мировыми войнами — как по причине сильной убыли населения вследствие войны и сопряженных с нею обстоятельств, включая большие эпидемии, так и ввиду ожидания новых войн, для ведения которых государствам нужны были и солдаты, и рабочая сила в тылу. В этом плане советская репродуктивная политика — начиная с медицинского наблюдения за беременными и родившими и вплоть до запрещения абортов, законодательства об алиментах и государственных

выплат многодетным матерям — полностью вписывается в общеевропейский тренд 1930-х годов. Специфика ее в ином. Если французская, немецкая, испанская репродуктивные политики были нацелены на поддержку «традиционной семьи» и стремились вывести женщину с рынка труда, чтобы вернуть ее в позицию «матери», то советская утверждала двойной нормативный образ женщины — как матери и как работницы, настаивая на том, что одна роль не противоречит другой. Так, советские выплаты и другие виды помощи были адресованы в первую очередь матерям, в то время как в III Рейхе их получателями были отцы, то есть многодетность мыслилась там как характеристика семьи, а не женщины. Впрочем, логика укрепления семьи не обошла стороной и Советский Союз. Если в 1920-е годы в стране были популярны рассуждения о конце семьи, по крайней мере в привычной ее форме, а процедура развода максимально облегчена Кодексом законов о браке и семье 1918 г., то во второй половине 1930-х развод законодательным образом затрудняется, начинает активно артикулироваться ценность традиционной семьи, и семейные добродетели становятся все более обязательными для членов партии. Параллельно попадают под репрессивное воздействие «неконвенциональные» формы сексуального поведения, ранее бывшие вне фокуса государственного внимания; в частности, в Уголовный кодекс вводится статья о мужеложстве.

Категории, с которыми работала статистика, становились категориями государственного воздействия. В этом случае Хоффманн обращает внимание на двойственность ситуации. Хотя категории, по которым собирался статистический материал, определялись не только представлениями об устройстве реальности (при том что этот фактор, бесспорно, преобладал), но и возможностью получения конкретных сведений, они обретали самостоятельное бытие и в дальнейшем рассматривались как некая объективная данность, подлежащая регулированию. Можно вспомнить, например, как понятие физической нормы, то есть «среднего» в антропометрических показателях, превратилось в основание для борьбы с «отклонениями» (в меньшую сторону) — норма, существующая лишь статистически, начала использоваться применительно к конкретным индивидам. Статистически выделяемые профессиональные и этнические группы становились объектами поощрения или репрессий, поскольку с этими группами связывались определенные типы поведения, политические предпочтения и т.п.

Как подчеркивает Хоффманн, присущий Советскому Союзу интерес к евгенике тоже полностью вписывался в общий для конца XIX — 30-х годов XX в. тренд. Однако, в отличие от Северной Европы и Америки, там возобладал не подход Грегора Менделя, а ламаркизм, характерный для католических стран (с. 55, 210—225). И поскольку улучшение «человеческой породы» мыслилось не в рамках работы

над генами, а через изменение социальной среды, частью новых советских людей должны были стать и выходцы из «классово чуждых» групп. Курс на изоляцию и/или уничтожение таких групп не распространялся (теоретически) на детей — «порча» связывалась не с тем, что передано по наследству, а с тем, что привнесено воспитанием, сформировано социально; соответственно, посредством изменения социальной среды можно было добиться и преобразования человеческой природы.

Эта установка вытекала не только и даже не столько из марксистской доктрины. Подобных взглядов придерживались многие представители дореволюционной русской интеллигенции, к которой принадлежали советские специалисты по репродуктивной политике. В этой логике виновниками нищеты, преступности и т.п. являлись не сами нищие или преступники, а косный, отсталый режим; именно он и требовал преобразования.

Но это одновременно означало, что воздействию подлежит не индивид, а группы и категории населения. Изменение представлений, о котором отчасти уже шла речь выше, Хоффманн связывает с появлением нового объекта заботы — к началу XX в. им все больше становится общество. В этом плане весьма показательны, в частности, что в уголовном законодательстве и (в еще большей степени) криминалистических теориях Америки и Европы упор переносится с «возмездия» на «превенцию». Между тем из подобной логики следует, что наказаны могут быть те, кто еще не совершил преступления, что карать можно не только индивидов, но и целые слои, представляющие опасность. Ориентация на «защиту общества», а не наказание преступников вела к развитию государственного насилия, определяемого категорией не «вины», а «угрозы».

«Не следует считать, что государственное насилие обусловлено идеологией, — пишет Хоффманн. — Гораздо вернее будет заключить, что методы государственного насилия формировались до Первой мировой войны и в ходе ее, а затем были идеологизированы и приспособлены к целям преобразования общества» (с. 337—338). Специфика Советского Союза заключается в том, что он с невиданной интенсивностью задействовал эти методы в мирной жизни и развил их (во многом параллельно и в активном обмене с другими странами). Обращаясь к примеру Советского Союза, Хоффманн наглядно демонстрирует, что может произойти в ситуации, когда институты и практики «социального государства» не связаны правами граждан. Экстремальность советского случая обусловлена именно тем, что первые могли полностью развернуться, не встречая значимого противодействия со стороны вторых.

Библиография

Богданов А.А. (1995) «Новейшие прообразы коллективистского строя» // Бордюгов Г.А., ред. *Неизвестный Богданов: В 3-х кн. Кн. 1: А.А.Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901—1928 гг.* М.: ИЦ «АИРО-XX»: 84—89.

Колеров М.А. (2017а) *Социализм в одной стране*. М.: Издание книжного магазина «Циолковский»

Колеров М.А. (2017б) *Сталин: От Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма*. М.: Модест Колеров.

Колеров М.А. (2018) *Тоталитаризм: Русская программа для западной доктрины*. М.: Издание книжного магазина «Циолковский».

политика

A.A.Teslya

CREATING AND PROTECTING A NEW SOCIETY

Hoffmann D.L. Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939 / Translated from English by A.Tereshchenko. Moscow: New Literary Observer, 2018. – 424 p.

Andrei A. Teslya — Ph.D. in Philosophy; Senior Researcher at the Academia Kantiana, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad). Email: mestr81@gmail.com.

Abstract. The article presents a review of the Russian translation of the book by David Hoffmann, the US historian, “Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism”, published in the original language in 2011. According to the author of the review, this book is valuable and interesting particularly because it presents the comparative analysis of a number of practices and institutions that were traditionally viewed as the Soviet specificity. However, this is not about “generalizing” the Soviet experience. In contrast, the main point of the book is that the Soviet system that developed by the 1930s was unique, but its uniqueness is not determined by the unprecedented, or fundamentally new practices. The specificity of the Soviet Union lies in the fact that the country used and developed the worldwide methods of state violence formed before and during the World War I with an unprecedented intensity. The example of the Soviet Union allows Hoffmann to clearly demonstrate the consequences of the situation, when the institutions and practices of the “welfare state” are not checked by the rights of citizens. The Soviet case is extreme precisely because such institutions and practices were able to fully develop, albeit without any meaningful resistance from the citizens.

Keywords: Soviet socialism, Modernity, welfare state, state violence, citizens' rights, David Hoffmann

References

Bogdanov A.A. (1995) «Noveishie proobrazy kollektivistskogo stroia» [The Newest Prototypes of the Collectivist System] // Bordiugov G.A., ed. *Neizvestnyi Bogdanov: V 3-kh kn. Kn. 1: A.A.Bogdanov (Malinovsky). Stat'i, doklady, pis'ma i vospominaniia. 1901—1928 gg.* [Unknown Bogdanov. Vol. 1: A.A.Bogdanov (Malinovsky). Articles, Reports, Letters and Memoirs. 1901—1928]. Moscow: ITs «AIRO-XX»: 84—89.

Kolerov M.A. (2017a) *Sotsializm v odnoi strane* [Socialism in One Country]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii»

Kolerov M.A. (2017b) *Stalin: Ot Fichte k Beria. Ocherki po istorii iazyka stalinskogo kommunizma* [Stalin: From Fichte to Beria. Essays on History of the Stalinist Communism Language]. Moscow: Modest Kolerov.

Kolerov M.A. (2018) *Totalitarizm: Russkaia programma dlia zapadnoi doktriny* [Totalitarianism: Russian Program for Western Doctrine]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Tsiolkovskii».